

А.М. Гребнева

Мордовский государственный университет

**Семантика и диалектная синонимика наименований
травянистой флоры мордовских языков**

Аннотация: В статье раскрывается система номинантов, включающая наименования травянистых растений как в мордовских литературных языках, так и в их говорах. В ней освещаются вопросы происхождения, семантики и диалектной синонимии.

The article represents the system of words nominating grass plants in the Mordovian literary languages and their dialects. It studies the problems of grass genesis, semantics and dialectal synonymics.

Ключевые слова: финно-угорские языки, эрзянский язык, мокшанский язык, говоры, травянистая флора.

Finno-Ugric languages, the Erzya language, the Moksha language, dialects, grass flora.

УДК: 811.511.152' 37.

Контактная информация: Саранск, Большевикская, 68. МГУ, кафедра эрзянского языка. Тел. (8342) 476087. E-mail: lengrebneva@rambler.ru.

*Природа страны, история страны и народа,
отражаясь в душе человека, выражается в слове.
Люди исчезали, но слово, созданное ими, оставалось
неисчерпаемой бессмертной сокровищницей языка.*

К.Д. Ушинский

Лексическое богатство любого языка представляет собой кладовую истории этноса, в которой хранятся сведения его материальной и духовной жизни. Названия травянистых растений являются органической частью словарного состава мордовских языков.

Изучение мордовской диалектной лексики в лексико-семантическом, этимологическом, словообразовательном аспектах позволяет говорить об источниках образования и установлении главных тенденций их развития.

Актуальность настоящего исследования заключается в том, что диалектные названия номинантов относятся к наиболее быстро выходящим из употребления в эрзянских и мокшанских говорах.

К сожалению, в мордовском языкознании до настоящего времени не уделялось должного внимания фитонимам диалектного характера. Собрать их, научно описать – первостепенная задача исследователей. Кроме того, изучение лексико-тематических групп, представляет большой научный интерес в связи с подготовкой лексикографических работ в научных лингвистических центрах Республики Мордовия.

Цель данной статьи – выявить основные принципы номинации травянистых растений, которые представляют наибольший интерес с точки зрения их диалектной синонимии. При необходимости взгляд исследователя не оставит в стороне и этимологию исследуемых лексем.

Все названия травянистых растений, с точки зрения их употребления, можно подразделить на две группы. Первая группа включает те, которые устойчивы на значительной части территории распространения эрзянских и мокшанских говоров и имеют небольшое число синонимов или не имеют их вовсе. Вторая, напротив, ограничена узкими рамками определенной территории и относительно мотивирована: вызывает в сознании носителей языка определенные ассоциации с другими реалиями окружающего мира.

Прежде всего, обратимся к тем лексемам, которые выступают в роли родового слова в тех случаях, когда название растения носителям тех или иных говоров не известно.

Э.л. *тикше*, м.л. *тише* «трава». Слово э.л. *тикше*, м.л. *тише* является обязательным компонентом в структуре многих номинантов: э.д. *kal'bulon' d'ikše* (б.мрс.) «дымянка аптечная» (букв.: «ивняка-трава»), *s'ukorkaj d'ikše* (дрк.) «проставирник» (букв.: «лепешка-трава»), *luga t'ikše* (трс.) «ежа сборная» (букв.: «луг-трава»), *kal'me t'ikše* (во многих говорах) «повелика европейская» (букв.: «клея-трава»); м.д. *t'užə pr'a t'iše* (т. птм.) «желтушник левкойный» (букв.: «желтая голова-трава») и др.

Рассматриваемая лексема относится к фонду финно-угорской лексики. Она имеет ряд соответствий: ф. *tähkä* «колос», мр. *тышка, туйка, туска* «куст», «волосинки на бородавке», удм. *туш* «куст», коми *тош* «борода». В лингвистической литературе по финно-угроведению имеется мнение, что в эрзянском слове *тикше* сочетание согласных *ки* представляет метатезу *шк ~ ки*. [Uotila, 1938, с. 324]. Прамордовская форма фитонима – **mäškä* [ЭВ, 1998, с. 185].

Подобную же функцию в мордовских языках выполняет и слово *цеця* «цветок (вообще)». По мнению исследователей, оно является заимствованием из русского языка [ЭВ, 1998, с. 06], которое активно включается в состав номинантов: э.л. *сэнь цеця* «василек» (букв.: «голубой-цветок»), э.л. *розь потмонь цеця* «живокость полевая» (букв.: «рожь-внутри-цветок»), э.д. *galan' c'ec'a* (лнг.) «ромашка аптечная» (букв.: «гуся-цветок»), *vecə c'ec'a* (дрк.) «водяная лилия» (букв.: «в воде-цветок»), *katka lopa t'vetka* (ич.) «герань» (букв.: «кошка-лист-цветок»), *tan't'ej čin'e c'ec'ka* (м.двд.) «душица» (букв.: «вкусный, приятный, сладкий-запах-цветок») и др.

Функции родового наименования выполняет и лексема *лопа* «лист», которая, возможно, является унаследованной из балтийских языков [ЭВ, 1998, с. 98]. В этой связи небезынтересно подчеркнуть, что в индоевропейских языках встречается несколько фонетических вариантов этого слова: **lep-, *lop-, *lap-*, которые выступают с основным значением «лист» [Меркулова, 1967, с. 29].

Исходя из законов типичности семантических признаков можно предположить, что в основе эрзянского слова *лапужа* «плоский» сохранился корень *лап-*, где *-жа* – словообразовательный суффикс.

Номинанты, представляющие травянистые наименования в мордовских эрзя и мокша языках, которые образованы с помощью лексем э.л. *тикше*, м.л. *тише*, э.л. *цеця*, э.л. м.л. *лопа*, составляют довольно большое количество. Как правило, в них наглядно соотносится ономаσιологический базис и ономаσιологический признак родового и видового компонентов. Значительной части наименований присущи явления ассоциации, которые очень разнообразны. Помимо ассоциаций, в некоторых говорах наблюдаются индивидуальные употребления того или иного наименования. Так, например, вместо э.л. *чей*, м.л. *шей / шяй* «осока» в некоторых говорах функционируют такие варианты: э.д. *ёзнэнь кель тикше* (КС) (букв.: «змея-язык-трава»), м.д. *ker'az' t'iše* (кль., м.пшт.) (букв.: «режущая трава») и др.

Активно употребляется также еще целый ряд номинантов.

Э.л. *пици палакс*, м.л. *пиди палакс* «жгучая крапива». Данный номинант в одних говорах функционирует в виде производного слова *palaks*, в других – как *pic'i-ks pala-ks* (крж.), где суффикс *-кс* присоединяется как к первому, так и ко

второму компонентам. В единичных эрзянских говорах крапива обозначается словами *pultbc'a t'ikše* (кбв.) (букв.: «обжигающая трава»), а в мокшанских – *ker'i t'išə* (м.мск.) (букв.: «режущая трава»). Производящая основа *пала-* как самостоятельная лексическая единица в мордовских языках не встречается. Слова *палакс* и *пици палакс*, присоединяя к себе в качестве видového обозначения другое слово (чаще всего, существительное), становятся стержневым компонентом, а все сочетание – новым наименованием растений: э.д. *pur'gin'e palaks* (дрк.) «чертополох» (букв.: «гром-крапива»), *baban' balaks* (чкл.атш.) «пустырник» (букв.: «бабы-крапива»), *d'ikoj bic'e palaks* (дбн.) «пустырник» (букв.: «дикая-жгучая-крапива»), *ovton' pic'i palaks* (прд.) «дурман» (букв.: «медведя-жгучая-крапива»); м.д. *at'a palaks* (сзг.) «глухая крапива» (букв.: «старик-крапива»), *nogaj palaks* (н.пшн., н.смв.) «чертополох» (букв.: «ногаец-крапива»). Как производящая основа *пала-* выступает и в других семантических группах: э.л., м.л. *пало-мс* «гореть, сгореть», *пало-ма* «горение». Прослеживаются этимологические связи с другими финно-угорскими языками: ф. *pala-a* «гореть», эст. *pala-vus* «жара, зной», ф.-у. **pala-* [Основы финно-угорского языкознания, 1974, с. 413].

Э.л. *урбуло*, м.л. *урбула* «хвощ». Данный номинант имеет диалектные варианты: э.д. *urun'bulo* (чкл.ич.), *urbn'bula* (шгр.), *urbnbbla* (прм.), *urun'bula* (врм.), м.д. *urən'bula* (паев.), *jurbula* (к.снф., в.слщ.). Обращают на себя внимание наименования, описывающиеся на характеристику формы растения и образованные по семантической модели «внешний вид морфологической части» → «наименование»: э.л. *урбуло*, м.л. *урбула* (букв.: «белка-хвост»). В некоторых говорах его названия образованы по семантическим моделям: а) «форма спороносных побегов растения» → «наименование»: э.д. *salmuks t'ikše* (дрк.) (букв.: «иголка-трава») – листья растения напоминают по форме иголку; б) «форма стебля» → «наименование»: э.д. *pestaj t'ikše* (дрк.) (букв.: «пест-трава»). Параллельное функционирование двух семантических моделей в одном и том же эрзянском говоре, вероятно, связано с тем, что хвощ, по мере его созревания, у носителей ассоциируется с такими свойствами: в начальной стадии – с формой песта, а в следующей – с тонкими иголками. Форма растения очень своеобразна, ее сходство с пучком волос, хвостом белки отражено в обозначениях хвоща и в некоторых языках индоевропейской семьи: польск. диал. *koci ogon, lisi ogon*; с.-хорв. *opašica*; макед. *коњски опаш*; болг. диал. *konska opaška, lisiča opaška* [Меркулова, 1967, с. 117]. Внутренняя форма фитонима прозрачна: молодой хвощ похож на пест. В русских говорах молодые ростки хвоща называют пестиками, и здесь фитоним отличается многообразием словообразовательных вариантов: пестики, пестье, пестовник, песток, пестуха, пестух, пестушняк, пестки, пестка, пестюшки, пестыши, пестиги, пестышки, пестушки, пестик, пестовик [Там же, с. 116]. Подобные наименования имеются и в некоторых русских говорах на территории Республики Мордовия: пестряк, пестуш, пестушка, пестушник [Словарь русских говоров, 1993, с. 130].

Слово э.л. *урбуло*, м.л. *урбула* восходит к финно-пермской эпохе **ora-ropčz* [Ракин, 1981, с. 15]. Такие образования сохранились и в марийском – урвоч «хвощ полевой», коми – урббж, урббж турун «хвощ луговой», «хвощ лесной». В удмуртском языке растение обозначается составным словом коньы быж «хвощ луговой» (< коньы «белка» + быж «хвост»).

Э.л. *кендял тикше*, м.л. *келда тише* «пижма обыкновенная» (букв.: «клоп-трава»). Включение в структуру номинанта слова э.л. *кендял*, м.л. *келда* «клоп» связано с особенностью пижмы: она отличается сильным неприятным запахом, иногда применяется как средство от клопов. Фитоним восходит к общемордовскому периоду, и он возник как гибридное образование. Подобное образование наличествует в марийском языке *ундылашудо* [Куклин, 1980, с. 180]. Первый компонент э.л. *кендял*, м.л. *келда* тюркского происхождения: чув. *ханкала* «клоп», тат. *кандала* «клоп», башк. *кандала* «клоп» [Феоктистов, 1965, с. 334–335], [ЭВ, 1998, с. 67], а второй – финно-угорского (см. тикше).

Э.л. *каргонь кснав*, м.л. *каргонь куфтел* «мышинный горох» (букв.: «журавля-горох»). У слова есть диалектные корреспонденции: э.д.: *čejer'en' gznav* (дрк.) (букв.: «мышинный горох»), м.д. *paks'an' znav* (млс., скв.) (букв.: «полевой горох»), *čejer'en' guft'ol* (крн.) (букв.: «мышинный горох»), *d'ikaj guft'al* (тмш.) «дикий горох». В фитонимах подобного рода особый интерес представляет своеобразное синонимическое явление – установление ложных семантических связей. Одним из древнейших следствий появления названий культурных растений была необходимость отличить их от сходных с ними дикорастущих. С лингвистической точки зрения в мордовских языках, как и во многих других, это выражалось определенным образом: дикорастущие растения сохранили прежнее наименование, но с присоединением эпитета. Он, как правило, был образован от имен, обозначающих животных или птиц (что как бы доказывало, что это растение непригодно или малопригодно для человека). В качестве эпитета употребляются э.л. *карго*, м.л. *карга* «журавль», э.л. *чеерь*, м.л. *шеерь* «мышь» и др. Названия такого рода многочисленны и всегда построены на противопоставлении настоящий – ненастоящий.

Фитоним возник в общемордовский период. Компоненты э.л. *карго*, м.л. *карга*, э.л. *чеерь*, м.л. *шеерь* относятся к общефинно-угорскому фонду лексики: ф. *kurki* «журавль», эст. *kurğ*, кр. *kurgi*, лив. *kurğ*; ф. *hiiri* «мышь», коми *шыр*, уд. *шыр*. Сходные наименования с элементом *чеерь/шеерь* имеются и в других финно-угорских языках: коми *шыранькытае* (< *шыр* «мышь» + *анькытае* «горох»), мр. *каля пырса* (< *каля* «мышь» + *пырса* «горох») «мышинный горох».

Э.л. *чеерень карькс*, м.л. *шеерень карькс* «полевой вьюнок», (букв.: «мышибечевка»). Это название свойственно большинству мордовских диалектов. В отдельных эрзянских говорах зафиксирован вариант *jaguda lopa t'ikše* (б.мрс., рмз., рпк.) (букв.: «ягода-лист-трава»). Фитоним восходит к общемордовскому периоду. Оба его компонента относятся к исконному фонду слов, которые являются общефинно-угорскими. Компонент *керь* / *кярь* «кора», входящий в производную основу слова *карькс* имеет соответствия в родственных языках: ф. *kuori*, эст. *koor* «кора», мр. *кыр*, кур «лубок», удм. *кур*, к. *кор* «кожура, шелуха». Форма наименования этимологически прозрачна: им обозначается многолетний корнеотпрысковый сорняк, внешняя форма которого своеобразна и напоминает следы мышей.

Э.л. *чудожов*, м.л. *шудижув*, *шудижу* «сосот». У него есть ряд диалектных вариантов: *šičžov* (дрк.), *šidožov* (кчш.), *šud'izov* (дрк.тр.), *šudžži* (млш.), *šud'išu* (м.мск.), *čičžiduv* (отр.), *šičžiduv* (блд.). Это наименование складывается из двух компонентов: *чудо-* ~ *шудо-* ~ *шуди-* ~ *чуды-* ~ (< **чуди* ~ *шуди* «текущий») и *жув* ~ *жов* ~ *жу* (< **чов* ~ *шов* «пена, накипь») (букв.: «текущая пена»). Появление звонкого *ж* вместо *ш* – результат прогрессивной ассимиляции (**чудий шов* > *чудий жов* > *чудожов*). Слово *чов* ~ *чон/шов* имеет параллели в других финно-угорских языках, в частности в марийском: *шош* «пена», *пура шош* «пивная пена».

Э.л. *верьгизэнь пазава*, м.л. *вирявань руця*, *карёлкс* «папоротник» имеет ряд диалектных вариантов: э.д. *vir'avan' sur'c'amo* (дрк.), *k'epd'an t'ikše* (клс.), *kaval lopa* (б.мрс., шгр.), *saraz pr'a* (врм.) *k'in'al* (смк.), *kal' ar'g'e t'ikše* (прм.); м.д. *kar'olks t'iše* (ст.шл.), *kar'olga* (шгв.), *vir'en' ruc'aš* (крг.). В них реализуются различные семантические модели. В некоторых случаях основой названия служит мифологический образ: э.л., м.л. *вирява* «богиня леса» – *v'ir'avan' ruc'a* (букв.: «платок-богини-леса») (для номинации была выбрана форма листа), *v'ir'avan' sur'c'amo* (букв. «гребень богини леса») (листья папоротника напоминают форму гребешка). С мифологией также связано наименование э.л. *верьгизэнь пазава* (букв.: «волчья икона»). В названии э.д. *saraz pr'a* (букв.: «курица-голова») прослеживается семантический признак – «форма вершины листа растения». В представлении носителей говора внешний вид его напоминает клюв курицы.

В мокшанских говорах распространенным является название, базирующееся на слове *карь* «лапоть», к которому присоединяется слово *ал-* «основание», «низ»:

м.д. *kar'olks t'iše* (букв.: «лапоть-низ-трава»). Как в мокшанских, так и в эрзянских говорах зафиксированы названия с первым компонентом *kavol* «ковыль»: э.д. *kavol lopa*, м.д. *kavol t'iše*, вероятно, в них произошел семантический перенос с русского названия «ковыль». В названии *kal' ar'g'e t'ikše* букв. «ива-бусинка-трава» признак номинации – форма соцветия, похожего на бусинку (*эрьге* «бусинка»). Почти все наименования – двусловные, в некоторых говорах – трехэлементные.

Возникновение диалектных вариантов относится к общемордовскому периоду. В их состав входят слова как общефинно-угорского (*вирь* «лес», *карь* «лапоть», *пря* «голова», «вершина», «источник» и др.), финно-волжского (*ал-* «низ», «основание»), так и собственно мордовского происхождения (*руця э.* «рубашка», м. «платок», *эрьге* «бусинка», *каль* «ива»).

Э.л. *одажа*, м.л. *од авань шама* «мать-и-мачеха». В ряде эрзянских говорах это фитонимическое понятие обозначается как полным четырехкомпонентным номинантом: *od avan' čata lora* (дрк.), а также интегрированным – *odaža lora* (отр., клм., б.мрс., мл.). Его формирование прошло следующие ступени: 1) *од авань чамат*; 2) *од авань жамат*; 3) *од аважамат*; 4) *одаважат*; 5) *одажа*. Последняя ступень представлена сложным словом, которое объясняется «законом взаимосоотнесенности». Перед нами наглядно представлено участие морфологических процессов, а в результате единого органического сплава переносного, образного значения с течением времени утратило свою особенность, созданного в результате лексикализации.

Анализируемый лексический материал составляет лишь небольшую часть номинантов травянистой флоры эрзянского и мокшанского языков, которые хронологически относительно однородны: почти все они относятся к эпохе самостоятельного, обособленного развития мордовских языков.

Система фитонимов, объединяющая травянистые растения, отличается разнообразием способов номинации, ориентированных на определенные свойства самого объекта. Заметное место отводится наименованиям, возникшим как путем метафорического, а также и прямого осмысления признаков. Эрзянский и мокшанский языки обнаруживают в целом одинаковые принципы номинации, но при сравнительном анализе проступают различия. Они сводятся главным образом к тому, что одно и то же растение в языках называется по-разному: для обозначения его выбираются различные признаки. Кроме того, в обоих языках заметно явление диалектной синонимии, обусловленное наличием большого количества признаков травянистых растений, которые могут лечь в основу номинации. Имеются случаи параллельного употребления собственно мордовских наименований и наименований иноязычного происхождения.

Литература

Келин М.А., Мосин М.В., Цыганкин Д.В. Мокшень кялень нюръхкяня этимологическая словарь. Саранск, 1981.

Куклин А.Н. Из истории изучения красноуфимского говора марийского языка // Вопросы марийского языка (вопросы истории и диалектологии). Йошкар-Ола, 1979.

Куклин А.Н. К этимологии некоторых диалектных слов // Вопросы марийского языка (вопросы грамматики и лексикологии). Йошкар-Ола, 1980.

Махмутова Л.Г. Опыт исследования тюркских диалектов. М., 1978.

Меркулова В.Н. Очерки по русской народной ботанической номенклатуре растений. М., 1967.

Основы финно-угорского языкознания: вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М., 1974.

Ракин А.Н. Ботаническая терминология коми языка. Сыктывкар, 1981.

Словарь русских народных говоров на территории Мордовской ССР: Справочн. изд. (О–П). Саранск, 1993.

Феоктистов А.П. К проблеме мордовско-тюркских языковых контактов // Этногенез мордовского народа. Саранск, 1965. С. 331–343.

Цыганкин Д.В., Мосин М.В. Этимологиянь валкс. Саранск, 1998.

Uotila T. Syryanishe Chrestomathie mit dem grammatikalischen Abriss und etymologischen Wörterverzeichnis. Helsinki, 1938.

Сокращенные названия диалектов (говоров)

Блд. – говор населенного пункта Болдово Ичалковского района Республики Мордовия (РМ); **б.мрс.** – н.п. Большое Маресево Чамзинского р-на РМ; **вrm.** – н.п. Вармазейка Большеигнатовского р-на РМ; **в.слщ.** – н.п. Вадовские Селищи Zubovo-Полянского р-на РМ; **дбн.** – н.п. Дубенки Дубенского р-на РМ; **дрк.** – н.п. Дюрки Атяшевского р-на РМ; **дрк.тр.** – н.п. Дракино Торбеевского р-на РМ; **ич.** – н.п. Ичалки Ичалковского р-на РМ; **кбв.** – н.п. Кабаево Дубенского р-на РМ; **кльв.** – н.п. Клявлино Клявлинского р-на Самарской обл.; **клм.** – н.п. Кульмино Чамзинского р-на РМ; **клс.** – н.п. Каласево Ардатовского р-на РМ; **крг.** – н.п. Каргал Zubovo-Полянского р-на РМ; **крж.** – н.п. Киржеманы Атяшевского р-на РМ; **крн.** – н.п. Корино Краснослободского р-на РМ; **к.снф.** – н.п. Копрнь-Саньф Zubovo-Полянского р-на РМ; **кчш.** – н.п. Кечушево Ардатовского р-на РМ; **м.двд.** – н.п. Мордовское Давыдово Кочкуровского р-на РМ; **лнг.** – н.п. Луньга Ардатовского р-на РМ; **мл.** – н.п. Мокшалай Чамзинского р-на РМ; **млс.** – н.п. Мельсетьево Теньгушевского р-на РМ; **млш.** – н.п. Малышево Торбеевского р-на РМ; **м.мск.** – н.п. Мордовско-Маскинские Выселки Ельниковского р-на РМ; **м.пшт.** – н.п. Малые Мордовские Пошаты Ельниковского р-на РМ; **н.пшн.** – н.п. Новое Пшенево Ковылкинского р-на РМ; **н.смв.** – н.п. Новая Самаевка Ковылкинского р-на РМ; **отр.** – н.п. Отрадное Чамзинского р-на РМ; **паев.** – н.п. Паево Инсарского р-на РМ; **прд.** – н.п. Парадеево Ичалковского р-на РМ; **прм.** – н.п. Пермиси Большеберезниковского р-на РМ; **рмз.** – н.п. Ремезенки Чамзинского р-на РМ; **рпк.** – н.п. Репакуши Чамзинского р-на РМ; **сзг.** – н.п. Сузгарье Рузаевского р-на РМ; **скв.** – н.п. Сакаево Теньгушевского р-на РМ; **смк.** – н.п. Симкино Большеберезниковского р-на РМ; **ст.шл.** – н.п. Старые Шалы Ельниковского р-на РМ; **тмш.** – н.п. Темяшево Старошайговского р-на РМ; **т.птм.** – н.п. Тарханская Потьма Zubovo-Полянского р-на РМ; **трс.** – н.п. Тарасово Атяшевского р-на РМ; **чкл.атш.** – н.п. Чукалы-на-Вежне Атяшевского р-на РМ; **чкл.ич.** – н.п. Чукалы Ичалковского р-на РМ; **шгр.** – н.п. Шугурово Большеберезниковского р-на РМ.

Сокращенные названия языков

болг. диал. – болгарский диалектный; **к.** – коми; **кр.** – карельский; лив. – ливский; **м.** – мокшанский; **макед.** – македонский; **м.д.** – мокшанский диалектный; **м.л.** – мокшанский литературный; **мр.** – марийский; **польск. диал.** – польский диалектный; **с.-хорв.** – сербохорватский; **тат.** – татарский; **удм.** – удмуртский; **ф.** – финский; **ф.-у.** – финно-угорский; **х.** – хантыйский; **э.** – эрзянский; **э.д.** – эрзянский диалектный; **э.л.** – эрзянский литературный; **эст.** – эстонский.

Прочие сокращения

Евсевьев Р – 267 – Архивный словарный материал М.Е. Евсевьева, Центральный государственный архив Республики Мордовия. КС – Словарные материалы картотеки ГНУ «Мордовский научно-исследовательский институт при Правительстве Республики Мордовия».